

Оак Баррель

СЛУЧАЙНЫЕ ПИСЬМА

Баррель Оак

Случайные письма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23283904

ISBN 9785448386381

Аннотация

Сборник стихов современного российского поэта, пишущего в редкой повествовательной манере. Героика человека и вещи, обреченных путешествовать по реке отведенного им судьбой времени. В общем, завораживающие умные строки, в которых каждый может услышать что-то свое.

Содержание

Письма мертвого воина	6
Размышления китайского крестьянина периода Хань	9
В приграничных районах империи	11
Одиссей – проплывая мимо острова	13
Иностраннный легион	15
Нансен	17
Корабельный бунт	18
На галерах	19
Возвращение с троянской войны	20
Путь	22
Возрождение	24
Истощение времени	26
Разложение	27
Дорога в холодный вечер	28
Вдоль берега	29
Erbarme dich, mein Gott	30
Под фонарями и звездами	32
Я иду	34
Путевые заметки	36
Взгляд ложится на вещи	38
Нарастаю кольцами год за годом	39
Привокзальный блюз	42

Данте	43
Погибшему в чухонских болотах прадеду	45
Иконопись	46
Переходы	47
Я – не предмет веры	48
Отложенное	50
История	51
Потомки – мой ласточкин хвост	53
Зима времени	55
Шутка живой природы	56
Круг 2 – Ад ищущих	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Случайные письма

Баррель Оак

© Баррель Оак, 2017

ISBN 978-5-4483-8638-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Письма мертвого воина

I

Мы, кажется, еще воюем.
Но это, знаешь, более похоже
На помесь жречества
С крестьянством – мы стоим
Рядами утром, чистим наш металл,
После чего расходимся за пищей,

Что ищем, ковыляя в сухостое,
Подобно насекомых вереницам,
Сгрызающих на мертвых чьих-то лицах
Черты родства. И тащим по земле
Свой запах, взгляд, и тени.

II

Так в детстве нам рассказывал старик
В деревне по соседству: край земли
Находится за умершими льдами,
Где только слышен вой
Ветров, и, как предвестье ада,
Совы белы.

Мы, не заметив, минули его,
Похоже, с той укрытой в снег черты,
Где ночи вдруг лишились черноты
И блеклый солнца шар
В бессилии касается тропы.

III

Под тряпьем раскрытые ребра
Исходят паром. Руки давят на воздух,
Немая. Вперед удара
Сердце чуть замирает,
Еще не привыкнув к позе
Бегуна на искрящем звездой морозе.

Что-то светит, мерцая, над самым теменем
(Если лежу, то за). Слышу запахи.
Вижу твои глаза,
Обводящие кругом белеющий горизонт,
Вычитая меня как секунду из суммы времени.

IV

Ты далеко от меня. И это – горчайший яд.
Как страсть на лице старика – неуместна улыбка.

Взгляд, обращенный куда-то туда, назад,
Тем большее сжимает о горизонт зрачок,
Чем полнее глотающий степь восток
Наливается перестоявшей тьмой.

В каждом запахе – запах твоих волос,
Сохраняющих где-то, я верю, мой.
От горящих костров – череда полос.
В шелестящем воздухе пар. В густой
Пыли неслышно ступает ночь.

Размышления китайского крестьянина периода Хань

Кроша весеннюю землю, мерзлую, с жилами льда

И сукровицей проступающих мелких луж,

Я порой посматриваю туда, где кончается свет, и чужд ды-
ханию воздух;

Где вода, упираясь в невидимое дно, замедляет падение
тела, пока оно,

Натолкнувшись на твердое, не станет сном – прошедшего
о себе самом.

Оступаясь в бороздах, бреду назад,

Где в тени скалы дом углами цепляет невольно взгляд,

У стены которого младший брат с переломанной голенью
гонит лист

Прошлогодний, упираясь плечом в костыль, от лица сво-
бодной рукой,

И пыль забивает прищуренные глаза.

Прижимая к полу циновку, зад вторит общим законам бы-
тья,

В каких, я уверен, записано ему быть – тем, что сверху
должно давить

(Что есть суть империи). Раньше жить, говорят старики, было проще:

Порядок простой вещей был надежнее... люди ценили труд,

Верность... рыбой обилен пруд... кротки женщины... слава страны...

Вчера на краю деревни из тех племен,
Что не чтят ни старость, ни блеск имен,
Простояли конные с четверть дня, не решаясь напасть...
Может в прошлом, увидев вдали коня с черным всадником,

Дети не мчались прочь? Только это вряд ли...

Съедает ночь тусклый свет, оставшийся между туч.
Мы вдвоем, очерченные в квадрат, слышим только:
Небо роняет град на солому крыши.
За братом брат, забираясь в общий и теплый дом,
Мы как раньше – вновь вмещены в одном.

В приграничных районах империи

В приграничных районах империи —
мелкий дождь прибывает пыль
на камнях; под ногами белые
трубки чьих-то хрустят костей;
перламутровый венчик веера
в шумном доме; среди гостей —
дичь лесная, да где-то с севера
дым от вставших в степи частей.

По обочинам выбитой в скалах
колеи – еще тлеет снег
между пятнами влаги талой.
Проезжавший недавно грек,
не боясь острия меж ребер,
крикнул, что, мол, живой человек
так мечтает о тесном гробе,
как хотел бы здесь жить свой век.

Все возможно. В утробе неба
зреет вечер; горят костры,
под котлами; и тянет хлебом.
Жизнь и смерть – это две сестры,
что находят тебя, и где бы

ни был ты – их глаза остры.
Это время есть финиш бега.
Это место есть просто ты.

Одиссей – проплывая мимо острова

Значительно продвинувшись в пути,
Взираю подозрительно на остров
Очередной (после пиров Цирцеи
Отталкивает что-то в островах).
Какой-то, впрочем, странствующий муж,
(Возможно, католический монах)
Слонявшийся бесцельно по Итаке,
Орал и спорил чуть ли не до драки,
Что суши – только треть... Но это враки:
Была бы суши хоть бы эта треть,
Давно уже вернулся. Между пальцев
Эоловы метаются ветра.
Я думал написать еще вчера
Гомеру о препятствиях скитальцев —
Вот только не припасши со двора
Ни голубя, ни свитков, ни пера,
Сижу под парусом который день без дела.
И радостно бы спеть, иль чтобы спела
Сирена, Пенелопа иль Елена
(Природа разная, но общий результат) —
Да только нет вина и лопнул бубен.

Безлюдный остров мал и каменист.
Не слышно Зевса. Я не атеист,
Но вера без чудес заметно меркнет.
Хоть вечности по семимильным меркам
Мой путь, наверное, короче муравья,
Но это впечатление, друзья,
На опыте лишь требует проверки.

Маячит горизонтами земля...
И Гелиос летит как бутоньерка...

Иностранный легион

Пустыня —
Есть в сути берег —
В самом крайнем виде,
Который в набежавшую волну
Бросая тертый кварц,
Остановиться – забыл.
Зажженному в подобие окну,
На брызги слюдяные
Приманивает взгляд среди теней.
И если бы шакал во тьме не выл,
Надавливая нотой на луну,
Я знал бы, что один.
Что вереница дней
Не есть причина,
Но следствие —
Готовности ко сну,
Способности к отличию жары,
От холода – по влаге на плечах;
И памяти, что ты еще мужчина,
Нащупывая вдруг в своих вещах
Осколком дома – бритвенный прибор,
Желтеющее фото с незнакомым
Пейзажем, знакомой женщиной,

И чем-то там вдали, что,
Пачкая растрескавшейся глянecь,
Есть (по методике Дали)
Проявленное в кажущемся.

Укладывая названное в ранец,
Спешу к определенному в крови
Пределу.

Мне имя, может быть, не легион,
Но точно совершенно – иностранец.

Нансен

Чтобы

почувствовать хоть какой-то запах, нужно
прижаться к вороту свитера,
отогревая с минуту в нем
замерзшие ноздри. Чтобы
услышать хоть что-нибудь,
кроме снежного хруста, нужно
произнести это самому. Чтобы
почувствовать самого себя, нужно
остановиться, закрыть глаза,
вспомнив о том, каким ты казался себе
когда-то. Все кончилось. Осталась одна свобода
преодолеть этот бескрайний замерзший мир,
подойдя к чему-то, что кажется
уже на середине пути
неважным.

Корабельный бунт

Капитан убит. Волна лижет доски
Палубы. Судовой врач, как полезная вещь —
Что-то вроде каната, горизонта, вахты,
Внемлющей плотской жалобе – оставлен.

Следы поножовщины; ставень, разбитый пулей;
За штурвалом какое-то тело, – видимо, носящее имя,
Рожденное кем-то когда-то – ныне, просто часть
Корабля и тьмы. Это тело – и есть все мы.

На галерах

Перестав разгибаться, пальцы —
Перестали болеть ночами.
Глаз ослеп к волне, безразличен к солнцу.
Мерный стук уключин – минует ухо.
И я видел, кажется, как на палубе
На ночном ветру танцевали духи.

Завершенная древком весла, рука —
Есть вид нового тела. К нему приложены —
Голова, подбрюшие и бока —
В общем, все то есть, что покрыто кожей;

На другом конце – уходя в закат,
Толщи вод, гудящие, словно гложут
Камень воздуха, рухнувшего в агат,
Распростертый поверх на морское ложе.

Возвращение с троянской войны

Сожжен и конь и башни и тела.
Та нить судьбы, что в Трою привела,
Оборвана, похоже, также. Тесно
На корабле. Кончается вода.
И палуба, как воплощенье места,
Уныла днем, ничтожна под луной,
Похожая царящей тишиной
И холодом меж ребер на пустыню.

Оборванный с плеча Эона клоч,
Что нам отпущен, нас еще скрывает,
Но виден край. Сказал один пророк
Что мы, мол, под звездою засыпая,
Ступаем левой на песок Аид.
Что ж, хорошо – хоть левая стоит
На чем-то прочном. Нежно-голубая
Спина русалки огибает борт.

Восточнее, мне помниться, другая
У них повадка – эти не поют,
Что несколько досадно: погибая
Хотелось бы испытывать уют
В холодной тьме. Но, Солнце, согревая

Ползущую по внутренностям кровь,
Встает, похоже, снова... Дорогая,
Плыву, надеясь на твою любовь.

Плыву, надеясь. Это ремесло —
О чем-то неизменно годы грезить —
Мне более, ты знаешь, принесло
Ожогов и рубцов, чем ожиданий,
Исполненных богами. Плюс бесстрашье.
И не уверен, будет ли что взвесить
После последней пройденной черты —
В лишенном и греха, и правоты.

Путь

Бросаю эти письма на волю случая,
На жестах сговорившись, что дойдут
С каким-то стариком;
Когда – не ясно (жест мне неизвестен).

Меняю с местностью местоименье «тут»
На что-то промелькнувшее вдали,
Которое, если картограф честен,
Есть точка назначения. Свои
Воспоминания уже не вызывают
Доверия: начало то ли стерто, то ли
С других началами путей смешалось.

В целом путь,
Нарезанный шагами как пунктир,
Ведет не в точку Б,
Но в следующий шаг,
Где с циферблата, сжеживаясь, время
Мешается меж камнями с дождем.

Миную мэрию и выветренный флаг
Какой-то местности, где, кажется мне, стекла
Гостиниц, пропуская пыль и воду,

При этом напрочь отсекают свет.

Миную гавань. Гавани похожи
Одна на каждую – от Фив и Сиракуз
До Магадана – где последний, впрочем,
Не слыша эврик архимедовых, в ночи
Скрипит задрогшими скелетами рабочих,
Щелчками сухостоины в печи
Холодный мерит сон и мерно точит
О берег белоснежный поролон.

Возрождение

Здесь железных кресел оглядываясь на скрип,
Видишь камень и дерево, но – никакого дома.
Переломанный о мостовую крик
Выдается свидетельством местности здесь
Слепому. И начищенной пуговицы блеск —
Важнее и ярче тома
Шопенгауэровых словес —
Как и, впрочем, словес любого
Из писавших – хоть палкою на песке,
Посвящая труды треске.

Я стою по пояс – не знамо в чем,
Как застигнутая врасплох секунда,
Упирающаяся плечом – в час, сочащийся соком грунта
Пережеванных в глину лет. Как предмет
С оторвавшемся ярлыком:
Неопознан, хотя знаком.

Вездесущая гибель времени, тел,
Понятий простых и сложных,
Составляющих сущность дел, а впоследствии,
Непреложно, расчищая грядущим ложе
Оседающим в травах вздохом,

Шепчем сами себе – «неплохо».

Истощение времени

Я чувствую время, пробегающее под кожей
Холодными струями, что похожи на
Голоса, раздающиеся в прихожей
Тяжело больного. Моя вина,
Как и времени, в сущности, – скоротечность.

Я, желая пить, но боясь вина,
Отжимаю своей каждый день сердечной
Сантиметры, которых уже стена,
Воплощая победу живого в малом,
Мышцей плещет и плещет о ребра сна.

Не попробовать многого, и не через,
Разводя руками взлет листву,
Я войду повторно, по звездам сверясь,
В ту же реку,
И в ту же войду весну.

Разложение

Пылясь и тлея в полутьме, теряя жесткость,
Вещь возвращается в исходное ничто,
Оставленная времени. Так место,
Согретое телами, слово «кто»
Теряет в памяти, оправдывая плоскость
Как форму безразличия. И детство
Так брошенное карточкой в альбом —
Уже не согревает. И раздеться —
Скорее труд, чем празднество бытия.
В итоге, как в младенчестве белья
Изнанка пачкается больше. И струя
Все медленнее покидает сердце.

Дорога в холодный вечер

Дома как конские зубы,
Ломя замерзшую челюсть
Безводным и синим небом
В провалах меж крыш, стоят,
Рождая о ветер шелест
Бетона, стекла – и где бы
Среди отвердевшей кожи
В окне ни впечатан взгляд —
Я вижу тебя – где Вега
Восходит бескровным светом,
Где я, норовя при этом
Укрыться в тебе, подряд
Листаю шаги и камни
Растрепанным силуэтом,
Из всех на земле желая
Возможных и нет наград —
Смешаться с листвой и ветром,
И пешкой поставить мат!

Вдоль берега

Над жаром лопаюсь как дантов ростовщик,
Спадает небо пеленой за полднем. Берег
Теснится – между ямами с водой, сквозь «ж» кустов,
Вдоль ссадин и камней – там, мой бесцветный вдох
Где с грохотом проваливался вниз,
И где хрипит остов. Где наволочки дней,
Как в бедном пансионе, не в размер
Нутра. Где став еще бедней
Фигуру между запятыми на,
С усилием карабкается ввысь
Краб вечера, строку кончая точкой,
Шаблоном вдавленной в овал глазного дна.
Иду вдоль берега... Вокруг лежит страна.

Erbarme dich, mein Gott

I

Необратимость, спутница жизни,
Суть – воплощенье бессилия,
Окаменевший признак,
Вмятина времени. Синее,
Что я вижу в твоих глазах,
Прежде капризных, мертвых
Раз навсегда отныне,
Как о дорогу стертых
До основания – иней.

II

Смерть страшна ожиданием смерти.
Невозможностью думать. Отсутствием мерки
Событию, не имеющему запаса
Времени впереди себя. К этому,
Война еще – невозможность верить
В разумную жизнь, где череп,
Или прочая кость – целы, вдалеке от пули,
Ищущей что-то в теле.
Где в ровно стоящем стуле

Не видишь покой, – но только
Под виселицею стойку.

Под фонарями и звездами

Стоя в дворах, камнем вымощенных,
Растираю блески редкого снега
На пальто. Под фонарями и звездами
Хочется сказать о том, что вымещено
За пределы слов.
Сдавлены грунтом мои деды. С ними
Нетленны как кости – пуговицы,
Может, часов золотой овал – кто уже помнит,
Что в вечность клал.
Не фараоны, и не описано,
Что, уходя, оставлять на палубе
Красных корабликов, лежащих, высунув
Звездочки на жестяных обелисках.
И рассказать о каком-то Я,
Жадном и скучном,
Не много смысла.
Я хоть не вечен, и Я обвисло
Складками с ребер и с мозга мыслью —
То ли мне будет еще казаться...
Но мне приятно себя касаться.
Знаю, что есть уже где-то камень,
Рядом с которым я буду годы —
Все мои складки, все то, что роды

Матери мне на дорогу дали,
Все до костей —
И восторг печали
И островки прогрессивной мысли.
Приуменьшаю свои детали
Ради размытого в пятна смысла.
Перевожу от минуты стрелку
В сторону моря и где-то солнца,
Скрытого морем. Давно превысил
Точность метеоцентра
Круг в коже серебристых лысин
Звезд и планет. В гороскопах карма
Вьется меж циркуля и линейки.
Все опустели мои скамейки.
Скоро, возможно, стрела Амура,
Или иная стрела какая,
Пробуя прочно вонзиться в тело,
Вдруг ощутит, что оно – халтура,
Что невозможно попасть в пустое,
Как невозможно в стакане спрятать
Синего неба желе густое
И февраля золотую слякоть.

Я иду

Я иду, скребя каменной крошкой космос
Отражающих звездные дали луж.
Что-то мною забыто, а что-то просто
Мне не хочется помнить. Как сын и муж

Я копался в песке и в опавших листьях,
Я грубил и думал, что я свободен,
Я листал страницы о чьих-то жизнях,
И читал на собственных слово «годен!»

Я искал внутри, и искал снаружи.
Что-то если и не понять – запомнить
Я старался. Шарфом и перчаткой стуже
Отвечал. Своевременно сдать, оформить,

Оплатить, замолвить, подъехать, выпить,
Указать, помочь, позвонить, проверить...
...а теперь с разжатой ладони ссыпать
В темноту, оставив, пожалуй, – верить.

Засыпая порою в мечтах о блюде,
Просыпался, зная о том, что – было.
И рассвет ласкал полукружье груди.

Расставаясь, душа неизбежно выла.

Я скользил в повороте, рискуя выбыть
Из процесса движения. Под бинтами
Я расчесывал рану. Сложив всю прибыль,
Что осталась, растраченную двумястами

Заливал, орудуя как закуской
Ядовитым дымом. Ломал и строил.
Приводил себя я в шестое чувство.
И пока далек еще от покоя.

Путевые заметки

I

Невозможно объять необъятное – с чем здесь спорить?
Чрево, хоть выверни, есть не победы флаг,
Но лишь пути, опечатавшим влажный след,
Следствие. Кажется, много лет,
Сложенных накрест с длиной пространства,
Я не писал тебе. И это суть ответ
Ненависти моей к совершенью странствий.

II

Время идет. К годам прибывает снег —
Не столько вершин, но тротуаров, в лучшем —
Заломленных кепкой откосов крыш;
И вычитания рокот в стадах идущих
От суммы сцепления жмущихся к телу тел,
Теряется в их многоголосой гуще.

III

Местность, не располагающая к прогулкам:
Что ни шагни – борозда... но кость

Та же, что белой когда-то трубкой
Ляжет сюда, веруя в прочность мышц,
Стынет в прыжке. Я твой вечный гость
В этом пространстве – пустом и гулком.

Взгляд ложится на вещи

Взгляд ложится на вещи, на себя самого —
В ряду же. Рассеченные гранью дужек
Толстостеклых очков, недужат
Под снегами дерева. О
Переменах поверхность пальцев
Грезит – чтоб навсегда сменить
Ощущение камня, нити, холодной влаги
На твою, оттиснутую в бумаге,
Кожу. Как способность беззвучно выть
Нам дана алфавитом, равно
Нам дана не сочащая кровью рана.
Если можно в песках хранить
Города, то, наверное, как-то можно
И на выжженный вместе с мышцей
Шаг, которого шорох слышится,
Наложить печать безвременья – ложный
Бросить след опустевшим ложем.

Нарастаю кольцами год за годом

Нарастаю кольцами год за годом:
Сын, отец и муж. Только вот до Духа
Не дошел еще – но осталось время.
Подо мною сухими корнями тлеет
Черета имен – от отца и деда,
До когда-то жившего в львиной шкуре
Папуаса с хитрым прищуром глаза —
Поколений триста до унитаза.

Расслоился соленый в отсветах берег
Океана, который с другого края,
Серебрянный льдинами, преломляет
Тех же солнца лучей красноватых пальцы.
Мой баркас летит на закатном паре.
Мне не видно волн, я боюсь остаться
В темноте посреди этой древней лужи,
Хоть моя душа и ее не уже.

Ветер спит в камнях. Мы идем на пристань.
Доберусь до дома – зажгу все лампы.
И в таких огнях самодельной рампы
Сам себе сыграю про белый город,
Размотавший с обрыва дороги в море,

Наказавший себя под палящим солнцем,
Зачехливший себя на три пальца пылью,
Но не сдавшийся ни на крупицу гнили.

Ты мне пишешь что-то – от раза к разу.
Отвечая тебе, на свои вопросы
Я пишу ответы, твои не помня.
Полагая симметрию отношений —
И твоих источник в тебе решений
Ясно вижу. И так бывает,
Что, вонзаясь в воду до мира края,
Мост рассвета меня на ходу встречает.

Говорят, океан не болит о прошлом.
Я не верю. На дне, оперевшись в сланцы,
Корабельные мачты должны же ранить
Его брюхо, каким бы ни было жидким.
И не может не скрывается хоть где-то память,
Даже если не больше цветной открытки.
Часто думал об этом в три первых года —
И забыл – такова уж моя природа.

Со времен, о которых ты тоже помнишь,
Я стал больше моря бояться неба.
Под кормой, и правда, лишь километры —
А над мачтой, засевшей в баркаса теле...

Перепутались сети, и на задворках
Я сижу часами, не помня даже,
Что находка, а что пропажа.

Опадает лист на мои колени.
На скамейке рядом пустая чашка.
Под деревьями сам себе вижу веткой,
Напитавшейся черным густым чифирем.
Не готов посмеяться еще над миром
(Но уже, похоже, не за горами).
Осень скоро накатит. Ее дарами
Поделюсь.

Привокзальный блюз

Луч проходит углами рамы,
Мотыля оглушив в промежности
Бурых стекол. От панорамы
Тянет мускусом тел и нежностью
Разогретой подошвы, жаркого
Вдоль асфальта идущей, шаркая.

Циферблат отражен в кивающем
Капюшоне заката. Выклевав
С циферблата секунды,кратно
Вторит поезд гудком, обратно
Отрезая возможность броситься.

И висками пружиня ватно,
Кровь наружу в ладони просится.

Данте

Мой Круг, где я под песком —
Как палец, растущий внутрь,
Сгибаюсь бесцельно —
Тут он.

Покрытый щелями улиц,
С химерами и валами,
Похожий с небес, наверно,
На пастбище с фонарями.

Расставленные в квадраты,
Посуда, мечты и кости,
Минуют меня строями.
Какие поэты? Бросьте!

Ведет нас, похоже, случай.
И с каждой стоянкой уже
Мосты. И *ressatum* в «деле»
Заменен графами «выбыл».

Седым волоском на теле,
Нам видятся ада глыбы.
Мечтали, но не хотели.

И ждем, хотя поезд прибыл.

Погибшему в чухонских болотах прадеду

Он любил приезжать сюда
Поздней осенью, во время уже,
Когда в полдень случайная оттепель
Не смоем дождем следа,
А в серых трясилах смутно
Блестит по утрам слюда
Окоченевшей ряски.
Дороги не грязны – тряски
И муторны. Чернозем
На фоне стволов сливается
С качающейся полуторкой.
Меня еще нет, но в нем
Есть кровь, впереди есть сутки —
на жизнь,
на рев попутки,
увидеть ее,
любовь.

Иконопись

И мне снится, что пеший, понурый
Я иду через скошенный луг,
Где по краю, расставивши скулы,
Стены с хрустом смыкаются в круг.

Отпечатав тропу, возвращаться
Не могу – и мне проще вот так
Лбом холодным к земле прикасаться,
До песка опуская свой флаг.

Уложив на белены стены
Все мазки, наблюдаю как дождь
Допивает персты и колена
У святых, уж стоящих без кож.

Хлеб смешался с ветвями и камнем,
И черствеет у ног головней.
Нет стекла за откинутой ставней.
Только по ветру глухо – «постой...»

Переходы

Всовываю, как в ярмо, голову в новый день,
Начиная с простого вставания,
С перехода меж стенами, словно тень,
Чтобы снова быть между стенами.
Чтобы, застегивая ремень сна
Перед новым сном,
Бросить в зияющий за спиной
Общий для нас пролом
Времени – горсть часов.
Чтобы, идя по пути отцов,
Встретив устало вечер,
Следовать к дому, шурша пальто,
И на детское за дверями «кто?»
На секунду застыв – действительно, кто? —
Привычно в глазок ответить
«Я». В паспорте не пометить
Как, отражаясь, мое лицо
С улыбкой мелькнуло в детях.
И, за стальное держась кольцо,
Пытаясь лететь как ветер
При этом —
В одном переходе от Гончих Псов —
Путь темен, хоть путник светел.

Я – не предмет веры

Я – не предмет веры.
Пальцы, глаза, колени... —
Собраны в сумму жизни.
Все как положено: тени,
Запахи, смятое ложе,
Пятна на стертой коже,
Женщина, дети, в пене
Щеки утрами, сумрак
Воспоминаний. Тот же
Вечный закон причины,
Делающий мужчину
Ветром, а после – камнем.
Все, кто рожден – отравлен
Этой судьбой как газом.
Много не скажешь разом,
Не описать в три строчки.
Принято после фразы
Ставить как гвозди точки.
Я же пленен поныне
Точками с запятыми;
Все же, надеясь двинуть
Дальше, чем просто в годы,
Спрятанные за спину,

Складываю в породы
Мелкую строк щетину,
Видя сквозь них свободу.

Отложенное

Обсуждая с тобой перемены
Нахожу их забавней и краше,
Чем под утро во тьме. Несомненно,
(Что-то в этом находят поэты)
Погребение в собственных мыслях —
Возведенное в степень удушье.

Не давал уж пол века советы,
Сам не зная – что хуже, что лучше,
Но для этого раза отложен,
Как заначка под старым матрацем —
Сколько раз устоять ни стараться,
Плюс один раз ты будешь положен.

Через реки, и трубы, и чайник,
Через горло – и снова же в реки,
Как две капли воды мы похожи,
Если долго зажмурены веки.

Позвонить из соседней деревни,
Даже выросшей в чью-то столицу,
Мне не трудно. Но трудно поверить,
Что я вспомню за голосом лица.

История

История как убийца
Свидетелей и улики
Стирает. За камнем камень
Сминает в хрустящем крике
И волосы и надежду
И ногти дорог
И скалы.
Завернуты в саван прежде,
Чем встретили свет
Вокзалы
С замерзшими поездами.
Пути подъедает вечность.
Смешались в дыму
Вассалы, князья, королевы, встречи,
Льды айсбергов с вмерзшей птицей,
Безмолвно раскрытым ртом
Плюющие океаны
Под рушащимся мостом.
У ликов святых кадила
Застыли в неловкой точке.
Что было, то было – бросьте!
Ни фото, ни даже строчки
В курганах секунд не скрыто.

История – оболочка,
Плененная алфавитом.

Потомки – мой ласточкин хвост

Потомки,
Смешные и ломкие,
Стоящие в воображении,
Привет!
Я лишь отражение,
Плетеный овал из соломки.

Родившись однажды под звездами,
Как гардемарины со сходней,
Вступив на военный корабль,
Подписываются на смерть,
Так я – своим первым дыханием
Заклеил с контрактом конверт —

На жизнь, и на стихописание,
На ветреный вечер,
На день,
Рисующий по расписанию
Деревья, и лужи, и тень,

На гулкие выстрелы поезда,
Несущего потный багаж,
На бег,

На удар ниже пояса,
На боль,
На процент от продаж,

На несколько сжатых столетий
Пугливой и чуткой любви,
На «дом», на «семья» и на «дети»,
На комья размокшей земли.

У нас есть еще по мгновению —
Тебе прочитывать,
Мне пропеть.
И есть еще вечное время —
Смеяться, грустить и терпеть.

Зима времени

Это пьяное тело
И пьяный разум —
Чреда картинок пред Божьим глазом.
Мой желудок от зимнего ветра сжался
Яблоком.

Уперевшись в кожу – костей обертку —
Над парящим каналом – фонарь-отвертка.

Переходами в сомкнутых кольцах улиц
То же самое – бешеный бег вперед,
Или медленный корпуса разворот.

На привязанных к звездам боках кварталов
Стук,
И скрежет камней о голень.
Время есть,
Но, подумав, решишь, что мало.
Ну а смысл?
Подумав, решишь, что стоит.

Шутка живой природы

Семиточиями, уж верно,
Можно наши закончить строки.
То поверхностный, то глубокий,
Непонятный как речь Сократа
В исполнении неандертальца,
Диалог. Обо всем на свете —
Как иероглиф, живое тело,
Рассказало. Мы чьи-то дети:
Мать, отец и еще – случайность.
И еще безволосый ветер,
Над бровями домов – сейчас.
Разорвав, перевесив, сдвинув,
Растянув по секундам годы,
Люди – шутка живой природы.

Круг 2 – Ад ищущих

Проступает ночами под веками, лишая
Ночи неспособного более спать,
Перфорация жизненного листа, если
Жизнь была бы подобна листу, уступая
В порядке и форме любым расчетам – по ту
Сторону от, наверное, рая,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.